

Цецен Балакаев

ЛЕГЕНДЫ КАВКАЗА

*Сказания о цене за право быть собой
О чести, которая дороже жизни
О горах, что не прощают лжи и высокомерия*

18+

Цецен Балакаев

Легенды Кавказа

<https://litres.ru/74212357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кавказ – это не просто горы.

Это каменная книга, где каждая страница написана кровью, любовью и свободой. В этом сборнике – двадцать три сказания о тех, кто жил, воевал, любил и умирал на этой древней земле. Русские офицеры и горские князья, казаки и черкешенки, поэты и воины – все они платят свою цену за право быть собой. Здесь нет правых и виноватых. Здесь есть только честь, которая дороже жизни, и горы, которые не прощают лжи и высокомерия.

От Кизлярской крепости до ледников Эльбруса, от балки Сутул до Дарьяльского ущелья – каждая история вплетена в единый узор, который называют судьбой Кавказа.

Цецен Балакаев

Легенды Кавказа

Цецен Балакаев

ЛЕГЕНДЫ КАВКАЗА

Содержание

«Кизлярский триптих»

– I. «Белый цветок на старом бастионе»

– II. «Горская честь»

– III. «Седьмая башня»

«Гмелин. История одной экспедиции»

«Оборотень Шелковского поста»

«Пламя над Шулой»

«Легенды балки Сутул»

– I. «Кровь на солярном круге»

– II. «Слёзы Урупа»

– III. «Книга камней»

«Аминат»

«Смерть спина к спине»

«Хранитель дольмена»

«Чёрная скала»

«Кровь на камнях башни»

«Анара, белая всадница на вороном скакуне»

«Три кавказские были»

– «Черкешенка»

– «Черкесский узел»

– «Гошанай»

«Голос Кавказа. Три рассказа об Эльбрусе»

– Рассказ первый: «Легенда о Ледяном пике»

– Рассказ второй: «Снежный крест»

– Рассказ третий: «Штурм неба»

«Герою России Магомеду Нурбагандову от имени Лесов, Гор, Степей и Рек России»

«Кизлярский триптих»

I. Белый цветок на старом бастионе

Осень 1743 года выдалась тяжёлой. За Тереком, в предгорьях, дымили костры двенадцатитысячного корпуса Надир-шаха. По крепостным валам Кизляра то и дело пробегала тревога: барабанщики выбивали дробь, солдаты Тенгинского полка заряжали фальконеты, а комендант, осунувшийся и седой, до хрипоты спорил с инженер-поручиком Стоговым, где ставить дополнительные рavelины. Казалось, сама земля гудит от приближающейся войны.

Но внутри крепости, за шестиметровыми стенами, жизнь всё ещё теплилась. Горели свечи в каменной церкви, на плацу муштровали новобранцев, а у колодца всегда толпились женщины с вёдрами. Именно там, у студёной воды, впервые

встретились двое.

Она звалась Айшат. Дочь старого узденя, чей род ещё помнил персидские походы Петра Великого. Чёрные, как ночной Терек, волосы падали на плечи, а глаза, огромные и влажные, отражали тревожное пламя костров. С детства она слышала сказания о Кизляре: как Пётр, проезжая, назвал эти места «ключом к востоку», как рубили здесь лес для первых укреплений и как кровь смешалась с землёй так, что даже полынь у стен горчит по-особенному.

Он был русским офицером, поручиком Ильёй Нечаевым. Военная косточка – от прадеда, громившего шведов, – сочелась в нём с совершенно невоенной душой. Илья служил в Тенгинском пехотном, но в часы затишья, вместо того чтобы играть в карты с товарищами, сидел на бастионе и смотрел на закат. Он запоминал, как ложится тень от гор на равнину, как ветер гонит пыль по степи и как пахнет Терек – терпко, свежо, обещанием.

– Почему ты смотришь на горы, вашблагородь? – спросил его однажды старый казак Михай. – Там вражья сила. Шаховы люди.

– Нет, отец Михай, – тихо ответил Илья, – там красота. Зачем нам воевать с красотой?

Старый казак только сплюнул в пыль, но осенил себя крестом. «Чудной, – подумал он, – но такие, чудные, и живут дольше всех».

Их встреча у колодца была случайной. Айшат шла за во-

дой, споткнулась о камень, и тяжёлый глиняный кувшин выскользнул из рук. Илья, проходивший мимо, подхватил его в тот миг, когда тот уже летел к земле. Он улыбнулся – широко, по-мальчишески – и протянул кувшин. Она взяла, и пальцы их на мгновение соприкоснулись. Июльский зной показался ей ледяным, а вода в кувшине – огненной.

С того дня они встречались тайно. У северной стены, где крепость смыкалась с Тереком, заросший диким виноградом бастион прятал их от чужих глаз. Он дарил ей полевые цветы, которые собирал за рвом, рискуя нарваться на шальную стрелу, а она учила его горским песням. Пел он, правда, скверно – казаки в карауле покатывались со смеху. Но она не смеялась. Она слушала.

– Илья, – шептала она, произнося его имя с мягким горн-танным оттенком, – говорят, белый царь строил здесь крепость, чтоб оградить нас от бед. А крепость оградила нас друг от друга. Разве так должно быть?

– Всё будет, Айшат, – отвечал он, касаясь её руки. – Переждём эту войну. Я напишу государю. Мы уедем на север, где белые ночи. Там нет гор, но есть бескрайние поля. Ты будешь смеяться, и ветер будет носить твой смех по всей земле.

Она верила. Как может верить только девушка, выросшая среди сказаний о храбрых джигитах и прекрасных царевнах. Но в крепости не было места сказкам.

Старый уздень, отец Айшат, пришёл к коменданту крепости князю Василию Елисеевичу Оболенскому. Лицо его бы-

ло каменным.

– Бригадир, твой офицер позорит мой род, – сказал он. – Если он не уйдёт, я уйду к Надир-шаху и открою ворота. Я знаю все ходы под стенами. Ты думаешь, я боюсь твоих пушек?

Князь Оболенский побледнел. Он знал, что в крепости есть предатели, что шах обещает горы золота за головы русских. Ссориться с узденем было смерти подобно. Илью вызвали на совет.

– Поручик, – сказал князь сухо, – твоя голова и моя голова, и головы пяти сотен солдат зависят от твоего благоразумия. Забудь девку.

– Не могу, – ответил Илья, и голос его звучал твёрже, чем когда-либо. – Я скорее сложу голову под стенами, чем забуду.

– Тогда выбирай: трибунал или сабля её отца.

Ночью они встретились у Терека. Ветер нёс холод с вершин, и вода плескалась о каменный сход. Айшат плакала, прижимаясь к его груди.

– Бежим, Илья, – шептала она. – Бежим в горы. Там нас не найдут. Я знаю тропы, которые не знают даже орлы.

– Нельзя, – качал он головой. – В крепости – мои братья. Мои солдаты. Я не имею права. Служить и погибнуть здесь – дело чести.

– Тогда я останусь с тобой. И умру с тобой.

Он взял её лицо в ладони. В темноте её глаза казались двумя серыми камнями, омытыми дождём. Он поцеловал её –

первый и последний раз. Поцелуй был солёным от слёз, горьким, как полынь у крепостных стен, но сладким, как весть о мире.

– Помни, – сказал он, – пока ты жива, я жив. Где бы я ни был.

На рассвете Илья Нечаев отправился к отцу Айшат. Он принёс ему свою саблю – отцовскую, с выгравированной датой «1722» – годом Персицкого похода Петра. Он отдал её в руки старцу.

– Если я обманул твою дочь, – сказал он, – убей меня этим клинком. Но пока я жив, я буду беречь её честь и твою честь. И честь этой крепости.

Уздень долго смотрел на саблю. Потом перевёл взгляд на поручика – молодого, бледного, но с горящими глазами. И старый воин, бившийся и с персами, и с турками, и с самим временем, усмехнулся в седые усы.

– Ты глупый, русский, – сказал он. – Простой и наивный. Но такие, как ты, не предают. Айшат будет ждать. Если война нас не убьёт, я сам приведу свою дочь.

В тот день многотысячные шахские войска начали отступление. Узнав, что Кизляр укреплён так, что даже камни здесь стреляют, Надир увёл свой корпус в горы. Говорили, ему приснился дурной сон – будто Пётр Великий стоит на бастиионе и держит в руках саблю, на которой начертано: «Кизляр не падёт».

Персы ушли в горы, но в единственном случае на перева-

ле погиб русский офицер. Поручик Нечаев и старый казак Михай неспешно возвращались из ночного пикета, когда с гор прилетела отравленная стрела. Она вонзилась поручику под правую лопатку.

Илья охнул и отпустил повод. Конь, почуяв свободу, помчал по каменистой тропе, высекая искры из-под копыт, и ветер свистел в ушах, заглушая хриплый крик Михая. Старый казак, выдавший смерть в десятках обличий, пришпорил своего жеребца и ринулся следом. Он догнал обезумевшего коня уже у самого обрыва, где Терек внизу ревел, разбиваясь о валуны. Михай перехватил поводья, осадил скакуна и стащил Илью на землю.

– Держись, поручик! – прорычал он, вырывая из ножен кинжал. – Яд! У них всегда яд на стрелах!

Он рванул мундир, обнажил рану – чёрную, с синими прожилками, расплзавшимися под кожей, как змеи. Не раздумывая ни секунды, Михай выдернул стрелу, сжал губами края раны и принялся отсасывать отраву, сплёвывая густую, липкую кровь на камни. Вкус был горьким, как полынь, и жёг горло. Казак плевал до тех пор, пока кровь не начала алеть, очищаясь от черноты.

– Полегчает, Илюша, – прошептал он, перевязывая рану рваной рубахой. – Мы уйдём. Найдём убежище. Дождёмся своих. Твоя девка обнимет тебя.

Они долго не могли выйти из убежища – узкой расселины в скале, куда Михай оттащил раненого. Снаружи то и дело

слышались гортанные голоса и цокот копыт. Персы и немирные черкесы прочёсывали окрестности, надеясь найти того, кто не доехал до крепости. Двое суток старый казак сидел у входа, сжимая в руке саблю, и слушал ночь. Илья метался в бреду, звал Айшат, твердил о белых ночах, о бескрайних полях, по которым она будет бежать босиком...

Только на третьи сутки русский отряд, посланный на поиски пропавших, наткнулся на расселину. Казаки подобрали обессиленного, но живого Михая и бездыханное тело поручика. Илья не пришёл в сознание ни разу. Яд успел сделать своё чёрное дело.

Айшат прибежала в лазарет, когда его уже обмывали для погребения. Она стояла у дверей, сжимая пальцами деревянный косяк так сильно, что щепки впились в ладони.

– Я это знала, – сказала она, и голос её был сухой, как степной ветер. – Был знак. Я видела сон. Он плыл по Тереку на белом коне, а конь был без головы. Я знала.

Ей не дали войти. Она прождала у дверей до самого утра, когда тело поручика вынесли в походной шинели, с саблей на груди. Айшат подошла, коснулась его холодного лба губами и прошептала что-то на своём языке – так тихо, что никто не расслышал. Старый Михай, стоявший рядом, отвернулся и перекрестился. Он видел много смертей, но таких глаз – чёрных, пустых и одновременно горящих, – не видел никогда.

Тело предали земле за крепостной стеной, у самого Терека, где когда-то рос дикий виноград и где они поцеловались

в последнюю ночь.

Айшат ушла к скалам на рассвете.

Она шла долго, босиком по острой гальке, и кровь оставляла след на камнях. Над ней кружили орлы, приняв её за раненую горную серну. На самом высоком утёсе, откуда Терек кажется серебряной ниткой, она остановилась, подняла руки к небу и крикнула что-то ветру – может быть, имя, может быть, проклятие, может быть, прощание.

Говорят, в тот миг солнце погасло за тучей, и по крепостной стене пробежал странный холод. Михай, чистивший у ворот свою саблю, вдруг поднял голову и выронил клинок. Он не слышал всплеска – слишком далеко было до скалы. Но он почувствовал, как что-то оборвалось в груди, будто вместе с девушкой с обрыва сорвался и кусочек его собственной души.

– Господи, – прошептал он, – прими их обоих. Там, наверху, им будет легче.

Тело Айшат не нашли. Терек унёс его в Каспий, к тем самым водам, которые когда-то бороздили корабли Петра. С той поры у скалы, где она шагнула в вечность, весной расцветают белые цветы. Местные говорят – это её след. Невеста, не дождавшаяся жениха, застыла в камне и цветёт для него каждую весну.

В Кизлярской крепости осталась легенда. Её рассказывали по ночам у костров, передавая из уст в уста. О поручике, который не предал любви ради крепости, и о девушке, кото-

рая не захотела жить без него. В неё верили солдаты, когда шли в бой; её вспоминали матери, когда провожали сыновей; её шептали девушки, глядя на Терек.

Шли годы. Строительство крепости продолжалось – по проекту инженер-генерала барона Любераса, птенца гнезда Петрова, выросли новые бастионы, углубились рвы. Но у северной стены, где дикий виноград до сих пор обвивает старый камень, старики до сих пор шепчут историю о поручике и горянке. Говорят, если встать в полночь у Терека, можно услышать звон клинков и тихий девичий смех, вплетённый в шум воды. И ещё говорят, что иногда по утрам на бастионе находят белый цветок, который никто не сажал. Он пахнет полынью и солью. И горем. И любовью.

II. Горская честь

Крепость Кизляр, 1830-е годы

Осень выдалась тревожной. За Тереком, в чеченских аулах, гасили костры и прятали женщин в башни – Гази Мухаммед собирал войско. Говорили, чёрные вороны кружат над Кизляром с самого утра, и старый казак Трофим, сидя на валу, хмуро крестился:

– Не к добру это, станичники. Птица чёрная – вестница беды.

Никто не слушал его, кроме двоих – молодого сотника Алексея Воронцова и его верного денщика Пантелея. Алексей недавно прибыл из Петербурга, где учился в кадетском

корпусе. Он был молод, горяч и верил, что война – это подвиги и награды. Пантелей, старый служака с седыми усами и шрамом через всю щёку, знал правду: война – это грязь, кровь и женские слезы.

Той ночью вороны не обманули.

Гази Мухаммед ворвался в Кизляр с востока, когда гарнизон спал. Его отряды – чеченцы, черкесы, лезгины – рассыпались по улицам, как стая голодных волков. Горели дома, кричали женщины, и в этом аду русские солдаты, выскакивая из казарм, строились в каре и отстреливались, теряя товарищей одного за другим.

Алексей Воронцов бился у ворот, рубя саблей налево и направо, когда Пантелей схватил его за плечо:

– Сотник! Беда! Машеньку увели!

Машенька была дочерью полкового священника – семнадцатилетняя, светловолосая, с глазами цвета неба над Терekom. Алексей любил её с той минуты, как впервые увидел у колодца: она мыла яблоки, и вода стекала по тонким пальцам, а он стоял как вкопанный и не мог вымолвить ни слова.

– Куда? – закричал он, бросаясь за Пантелеем.

– За стену! Черкесы уводят! Человек десять, не меньше!

У южной стены, там, где крепостной ров был мельче, Алексей увидел их. Всадники в чёрных бурках уносились в степь, а между ними мелькнуло белое – Машенькино платье. Она обернулась, и в лунном свете он успел заметить её глаза – огромные, полные ужаса.

– Не отдам! – Алексей вскочил на коня, но Пантелей преградил ему путь.

– Стой, барин! Один против десятка? Убьют и не помянут!

– Тогда нас трое! – раздался скрипучий голос.

К ним подъехал Трофим – старый казак, выдавший и Суворова, и Наполеона. Он был вооружён шашкой, длинным кинжалом, старым штуцером и злым прищуром.

– Трое против десятерых – уже похоже на справедливость, – усмехнулся он. – Ну что, сотник, выручать красавицу будем или как?

Алексей посмотрел на стариков. Пантелей – хромой, с больными коленями, но с руками, способными задушить медведя. Трофим – седой, как лунь, но глаз острый, как у сокола. И он, молодой, с горячим сердцем и саблей отца.

– Будем, – сказал он. – Или умрём.

Они скакали всю ночь. Степь под копытами гудела, ветер свистел, и Трофим, припадая к луке, читал следы:

– Вон туда, к ущелью. Там у них аул. Успеют до утра – зарежут девку, как барашка, или продадут в гарем. Не успеют – будем биться.

К рассвету они нагнали черкесов у узкого ущелья, где дорога сужалась между скалами. Всадники спешили, развели костер, и Машенька сидела у камня, связанная, в разорванном платье. Алексей увидел её и едва не закричал от ярости – один из черкесов, рослый, с чёрной бородой, держал её за

волосы и что-то говорил, смеясь.

– Трофим, ты – влево, за камни, – скомандовал Алексей, – Пантелей – сюда, прикроешь отход. Я иду прямо на вожака.

– А если убьют? – спросил Пантелей.

– Значит, судьба.

Он шёл медленно, сабля наголо, и черкесы, услышав шаги, вскочили. Десять пар глаз уставились на одинокого русско-го офицера. Главарь, тот, с чёрной бородой, оттолкнул Машеньку и шагнул вперёд.

– Ты один, гяур, – сказал он на ломаном русском. – Зачем пришёл? Умрёшь.

– Девушку отдай, – ответил Алексей, – и я уйду. Ты храбрый воин, я видел, как ты бился у ворот. Но честь горца позволяет воевать с женщинами?

Черкес усмехнулся. Но в глазах его мелькнуло что-то странное – уважение? Сомнение?

– Что ты знаешь о чести, презренный гяур? Вы приходите на наши земли, строите крепости, изгоняете имамов. А мы защищаем свой дом.

– Я не воевать с тобой пришёл, – Алексей шагнул ближе, – я пришёл за ней. Она – не воин, не сила, не оружие. Она – дочь. Сестра. Невеста. И если ты убил её жениха, которого ещё нет, ты – не воин. Ты – разбойник.

Черкес задумался. Вокруг зашептались его товарищи – старики с седыми бородами, юноши с горящими глазами. Они тоже понимали по-русски. Один из них, самый старый,

с лицом, изрезанным морщинами, заговорил на своем языке, быстро и горячо. Черкес слушал, хмурился.

– Мой отец говорит, – произнёс он наконец, – что ты прав. Девушка не воин, не джигит. Но мы взяли её в бою, и по закону она – наша добыча. Если я отпущу её, я опозорю род. Скажи мне, гяур, ты сражаешься за неё?

– Да, – твёрдо ответил Алексей.

– Тогда бейся со мной один на один. Я – Каншау, сын Асланбека. Если я убью тебя – она останется моей. Если ты убьёшь меня – забирай её и уходи с миром. Клянусь Аллахом и бородой моего отца.

Алексей посмотрел на Машеньку. Она плакала, губы её шевелились: «Нет, Алёшенька, не надо...». Но он не мог отступить.

– Я принимаю твой вызов, Каншау.

Они сошлись на узкой тропе, между пропастью и скалой. Сабли звенели, искры летели, и черкесы, и казаки смотрели затаив дыхание. Каншау был сильнее и опытнее – он бился с детства, и каждый удар его был смертельным. Но Алексей был быстрее. Он уходил от ударов, кружился, как горный баран, и искал брешь в обороне противника.

Трофим, припав к камню, сжимал свой штуцер.

– Пантелей, – шепнул он, – если он завалит сотника, я стреляю. Будь что будет. Честь честью, а девку жалко.

– Не стреляй, – шепнул в ответ Пантелей, – гляди...

Черкес сделал выпад, целя в горло. Алексей ушёл вниз,

нанес удар в плечо – и клинок, скользя по кольчуге, вонзился в предплечье Каншау. Сабля выпала из его руки. Через мгновение острие сабли Алексея уперлось прямо в грудь поверженного врага.

– Убей меня, гяур, – выдохнул Каншау, стиснув зубы. – Я проиграл.

Алексей стоял, тяжело дыша, и смотрел на черкеса. Тот не просил пощады. В глазах его не было страха – была только гордая обречённость. Так смотрят орлы, когда у них перебито крыло.

Медленно, очень медленно, Алексей опустил саблю.

– Нет, – сказал он. – Ты благородно дрался. Ты мог убить меня, когда я пришёл к вам один, но ты дал мне шанс. За это я дарю тебе жизнь.

Каншау изумлённо поднял глаза. Он не верил.

– Зачем? Я бы не пощадил тебя, будь у меня выбор.

– Потому что моя честь не требует крови, – ответил Алексей. – Иди. Живи. Но если ты ещё раз поднимешь руку на русскую девушку – я найду тебя и убью. Клянусь Богом.

Он подошёл к Машеньке, разрезал верёвки и помог встать. Она бросилась ему на шею, и он прижал её к груди, чувствуя, как она дрожит.

– Алёшенька, – шептала она, – я знала, что ты придёшь...

– Молчи, – улыбнулся он, глядя её волосы. – Теперь мы никогда не расстанемся.

Каншау поднялся, прижимая раненую руку. Он прошёл

мимо Алексея, остановился и, помедлив, сказал тихо, чтобы слышали только они двое:

– Ты победил достойно. И ты отпустил меня. Я запомню это. Быть может, когда-нибудь мы встретимся на тропе снова – уже не как враги.

Он махнул своим – и черкесы, оседлав коней, растворились в ущелье, оставив казаков и спасённую девушку среди скал и ветра.

Трофим, пряча штуцер, крикнул:

– Ну, и что скажете, станичники? Хорошая сказка. Сотник – герой, черкес – вроде как благородный джигит. Но мне одно непонятно...

– Чаво? – спросил Пантелей.

– Почему, когда он его пощадил, у меня аж сердце сжалось? Раньше мы их не щадили. И они нас – тоже. А тут... может, и правда – война войной, а честь – честью?

Они ехали к Кизляру, и Машенька, счастливая и заплаканная, держалась за Алексея, как за единственную опору в этом мире. Старый казак, оглянувшись на ущелье, где исчезли черкесы, пробормотал себе под нос:

– Эх, Кавказ... Горы, кровь, любовь. Ничего тут не меняется. Только сердца у людей разные – у одних камень, у других – живая плоть.

Под вечер они въезжали в ворота Кизляра. Над крепостью кружились вороны. Но теперь Алексей не боялся их.

– Это просто птицы, – сказал он Машеньке, улыбаясь. –

Просто птицы.

И она улыбнулась ему в ответ – впервые за все эти дни.

III. Седьмая башня

Кизлярский фронт, октябрь 1918 года

На исходе пятидесятого дня осады Магомед понял: город не падёт. Он стоял за кольцом окопов, глядя, как дым от красногвардейских пушек поднимается к холодному осеннему небу, и в груди ныла старая рана. Не та, что от пули, – другая, которую не залечить травами.

Кизлярский фронт гудел, как растревоженный улей. Казаки из низовых станиц, крестьяне с хуторов, горцы из аулов – все они сжали кольцо вокруг города, но взять его не могли. Говорили, у красных под командой подполковника Шевелёва окопы вырыты так глубоко, что в них можно спрятать целый полк. Говорили, что артиллеристы из Астрахани привезли снаряды, от которых дрожит земля на версту вокруг. Говорили многое. Но никто не говорил того, о чём думал Магомед каждую ночь.

Она была там, в городе. Мадина.

Он не знал, жива ли она. Не знал, помнит ли его. Но когда ветер дул со стороны Терека, ему казалось, что он слышит запах её волос – полынь и степной мёд. И тогда он хватал винтовку и шёл в окопы, чтобы не сойти с ума.

– Магомед, – окликнул его старый казак Егор, который дрался рядом с ним с самого начала восстания. – Ты опять

туда смотришь? Брось. Город не возьмём мы. Не возьмём. У них там Хорошев, у них там Шевелёв, у них там пушки. А у нас – голые руки и гордость. На гордости далеко не уедешь.

– Я знаю, – тихо ответил Магомед. – Но она там.

Егор вздохнул, сплюнул сквозь зубы. Старый казак, с седыми усами и глазами, видевшими и германскую войну, и эту – братоубийственную, не понимал юношеской тоски. Но понимал одно: без любви человек пропадает.

– Слышал, – сказал Егор, – у них там ревтрибунал. Родственников казнят за связь с белыми. Если она из горской знати, а ты – с нашей стороны, ей амба. Не жить.

Магомед сжал кулаки. Он знал про ревтрибунал. Знал, что красный комиссар Хорошев подписал не один смертный приговор. Знал, что Мадина – дочь старого узденя, а узденям не прощают предательства. Но он также знал, что она смеялась, когда он дарил ей полевые цветы, что она пела песни у костра, что она обещала ждать.

Он поднялся, стряхнул с бурки пыль.

– Я пойду в город.

– Ты одурел, Магомед? – Егор схватил его за полу бурки. – Там фронт. Окопы. Пулемёты. Тебя убьют, как собаку, даже не спросив, кто такой!

– Я пойду, – повторил Магомед твёрдо. – По закону гор. Если она там – я выведу её. Если она мертва – я узнаю это сам.

Егор долго смотрел на него. Потом тяжело вздохнул и по-

лез за пазуху:

– Держи. – Он протянул ему старый наган, выдавший вид. – Это от моего отца, ещё с германской. Там, в городе, пригодится. И знаешь что, джигит... Ты глупец. Но таких, как ты, сам Бог любит. Иди.

Ночь была чёрной, как уголь из печи. Магомед прополз через нейтральную полосу, слыша, как пули свистят над головой. Красные посты – он знал их расположение, потому что воевал здесь уже два месяца. Он ждал смены караула и, когда часовой отвернулся, перемахнул через бруствер.

Город спал. Но не тем мирным сном, каким спят в тишине, – тревожным, сжатым, как пружина. На улицах горели редкие фонари, у здания бывшего Собрания толпились красноармейцы, и оттуда доносились пьяные голоса. Магомед шёл по теням, как волк, помнящий каждую тропу. Он вырос в этих улочках, знал каждый закоулок, каждый подвал, куда можно спрятаться.

Дом старого узденя стоял на окраине, у самой стены, где когда-то проходила крепостная стена. Сейчас там были окопы, и Магомед замер у калитки, прислушиваясь. В доме горел свет. Он перемахнул через забор, прижался к стене.

– Мадина, – прошептал он, – Мадина, ты здесь?

Тишина. Потом скрип половиц, и дверь отворилась. Она стояла на пороге, тонкая, бледная, с огромными тёмными глазами. Волосы были распущены, и в них запутались сухие листья – словно она выбежала из сада, не успев причесаться.

– Магомед, – выдохнула она, и голос её был тише ветра, – ты... ты пришёл. Я знала. Я молилась каждой ночью. Я просила Аллаха, чтобы он привёл тебя.

Он шагнул к ней, обнял, чувствуя, как она дрожит, как бьётся её сердце о его грудь.

– Я не мог не прийти, – сказал он. – Ты – моя жизнь. Ты знаешь.

Она подняла на него глаза, и в них были слёзы. Но не от счастья.

– Магомед, отец... отец мёртв. Его расстреляли в августе. За то, что прятал у себя белого офицера. Я осталась одна. Они приходили, обыскивали дом, говорили, что я – дочь врага трудового народа.

– И что? – он сжал её плечи. – Они тронули тебя?

– Нет, – она покачала головой. – Но они могут. Я знаю. Комиссар Хорошев смотрит на меня так... так, что мне страшно. Я хочу уйти. Я не могу здесь оставаться.

– Мы уйдём, – твёрдо сказал он. – Сейчас. Я выведу тебя через окопы. Там, за линией фронта, есть тропа в горах, я знаю её с детства.

Она прижалась к нему, и на миг ему показалось, что все страхи позади. Но в тот же момент за спиной раздался хриплый голос:

– А ну, стой! Руки вверх!

Из темноты вышли трое – с винтовками, в кожаных куртках. Один из них, с красной повязкой на рукаве, усмехнулся:

– А это ещё кто? Белый? Или просто любитель? Ты, девка, видно, решила сбежать к своему горцу. А комиссар-то просил за тобой приглядеть. Говорил – ценная ты, видите ли, для переговоров.

Мадина вскрикнула, пытаясь спрятаться за Магомеда, но красноармеец грубо оттолкнул её.

– Не трогай её! – Магомед рванул вперёд, но двое других схватили его за руки. Наган Егора так и остался в кармане – не успел выхватить.

– Ах ты, горский волк! – засмеялся старший. – Напугал. Я таких, как ты, десятками шлёпал. Пойдёшь под трибунал, а девка наша. Завтра утром комиссар решит, что с вами делать.

Мадина вырвалась и бросилась к Магомеду, обняла его, заслоняя собой.

– Не смейте! – закричала она. – Он ни в чем не виноват! Он просто пришёл за мной!

– Ага, – усмехнулся красноармеец, – просто пришёл. Вон какой поджарый, сразу видно – из деникинцев или из тех, кто в станицах с Ушинкиным ходил. Ладно, забирайте их. В подвал, до утра.

Их бросили в сырой каменный подвал, где пахло плесенью и старой кровью. Мадина сидела в углу, сжавшись в комок, и плакала. Магомед стоял у стены, сжимая кулаки.

– Я не дам им тебя тронуть, – сказал он. – Клянусь бородой отца. Если утром они придут за тобой, я убью первого,

кто войдёт.

– А потом убьют тебя, – прошептала она. – Я не хочу этого. Лучше я умру, чем увижу, как ты падаешь.

Он подошёл, сел рядом, обнял её.

– Слушай, – сказал он, – когда мы были детьми, мой дед рассказывал мне одну легенду. О седьмой башне крепости. Говорил, что если двое любят друг друга так сильно, что готовы умереть друг за друга, стены раскрываются и выпускают их на свободу. Я не знаю, правда ли это. Но я верю. Потому что иначе зачем нам жить, если нельзя быть вместе?

Мадина подняла голову, и в глазах её зажглась надежда.

– Седьмая башня... она ещё стоит. Я видела её, когда ходила к старому кладбищу. Там, у северной стены.

– Тогда мы пойдем туда, – сказал он. – Не сейчас, не сегодня. Но мы пойдём. Слышишь? Я найду способ вытащить тебя.

Утром их повели на допрос. Магомед стоял перед столом, за которым сидел человек в чёрной кожаной куртке – комиссар Хорошев. Лицо его было усталым, глаза – колючими.

– Ну, – сказал он, – кто таков?

– Магомед, сын Магомеда, – ответил тот прямо. – Я – горец. Не белый, не красный. Я пришёл за женщиной, которую люблю.

Хорошев усмехнулся:

– Женщина – дочь врага трудового народа. А ты – кто? Ты воюешь против нас?

– Я воюю за свои горы, – ответил Магомед. – За свой народ. А не за чужих генералов.

– Смелый, – сказал комиссар. – Это хорошо. Смелых мы перевоспитываем. А тех, кто не перевоспитывается – расстреливаем. Тебе повезло – у меня сегодня хорошее настроение. Я дам тебе выбор. Или ты вступаешь в Красную армию и воюешь за нас, или ты идёшь к стенке. А девка – она останется здесь. Залогом. Как только ты докажешь свою верность – мы её отпустим.

Магомед смотрел на него, и в груди закипал холодный гнев. Он знал цену таким обещаниям. Знал, что красные не отпускают заложников. Но другого выхода не было.

– Я согласен, – сказал он.

Комиссар улыбнулся.

– Мудрое решение. И запомни – любая попытка побега будет стоить ей жизни.

Три недели Магомед воевал на стороне красных. Он ходил в разведку, отбивал атаки казаков, стрелял по тем, с кем ещё вчера сидел у одного костра. Каждую ночь, сидя в окопах, он смотрел на северную стену, где стояла седьмая башня, и шептал:

– Жди меня, Мадина. Я приду.

Она ждала. Она знала. И когда в ноябре, на семьдесят первый день осады, красные прорвали кольцо, когда казаки начали отступать, Магомед, воспользовавшись неразберихой, побежал к северной стене.

Он бежал, пули свистели над головой, и он думал только об одном – успеть. В подвале, где держали Мадину, он вышиб дверь плечом. Она сидела в углу, бледная, с обожжёнными руками – но живая.

– Магомед! – она бросилась к нему. – Я знала! Я знала!

– Идём, – сказал он, – идём, сейчас, пока они не опомнились.

Они бежали по пустынным улицам, дым от пожаров застилал небо, и где-то рядом разрывались снаряды. У седьмой башни он остановился. Стена – серая, старая, выщербленная временем, но всё ещё стояла.

– Здесь, – сказал он, – здесь была легенда. Если двое любят друг друга...

Он не договорил. Сзади слышались крики и топот сапог.

Красноармейцы, человек пять, с винтовками наперевес. Комиссар Хорошев, тяжело дыша, выступил вперёд. В руке он держал чёрный холодный маузер.

– Стой, предатель! Я знал, что ты сбежишь. Я дал тебе шанс – ты не оправдал. Сейчас я пристрелю тебя, как собаку. А девка – она заложница, она пойдёт со мной. Уж я с ней договорюсь.

Мадина вырвалась и встала перед Магомедом, закрывая его собой.

– Нет! – закричала она. – Убей меня, но не его. Если ты хоть пальцем его тронешь – я убью себя прямо здесь.

Хорошев рассмеялся:

– Трогательная сцена. Но, милая, я не верю в ваши горские клятвы. У меня есть пуля. Она быстрее твоей руки.

Он поднял маузер. Магомед рванул вперёд, заслоняя Мадину, и в тот же миг стена дрогнула. Казалось, старый камень вздохнул – и из щели в стене хлынул свет. Яркий, слепящий, как солнце. Красноармейцы вскрикнули, отшатнулись. Комиссар зажмурился, не успев выстрелить.

– Беги! – закричал Магомед. – Беги, Мадина!

Она схватила его за руку, и они рванули в проём. Стена сомкнулась за ними – и вдруг они оказались по ту сторону. Снаружи. За кольцом фронта, где дышала свобода. Сзади слышались крики, выстрелы, но пули не долетали – словно незримая стена отделяла их от погони.

– Мы вышли, – прошептала Мадина, – мы вышли. Как в легенде.

Магомед смотрел на неё, на её заплаканное лицо, на руки, сжимающие его рубаху, и улыбнулся.

– Ты моя седьмая башня, – сказал он. – Ты открыла мне стены. Спасибо, что жила. Спасибо, что ждала.

Они ушли в горы. Там, где снег на вершинах белый, как её платье, где ветер поёт о любви, которая сильнее войны, где нет ни красных, ни белых – есть только горы, небо и двое, готовых умереть друг за друга.

В Кизляре потом долго рассказывали эту историю. Казаки – белые, красные – горцы. И все сходились в одном: если

человек любит, стены рушатся.

Даже фронтовые.

«Гмелин. История одной экспедиции»

Степь встретила их зноем и мёртвой тишиной. Отряд Гмелина брёл по раскаленному черепу земли, где даже ветер боялся потревожить покой древних курганов.

Самуил Готлиб Гмелин, бледный от лихорадки, но с горящими глазами учёного, вёл свой маленький караван к Дербенту. Он искал не золото, а тайну. В своих картах он отметил место, где, по слухам, небо смыкается с землёй, а в глубоких колодцах древнего Дагестана вода пахнет серой и вечностью.

Местные старики шептали, что в этих горах обитает *Аждаха* – огненный змей, хранитель врат между мирами. Гмелин лишь усмехался: «Геотермальные источники, не более». Он записывал температуры, брал пробы почвы и не замечал, как с каждым днём тени за его спиной становятся длиннее, а проводники молчаливее.

Роковой день настал у подножия скалы, похожей на сжатый кулак. Гмелин нашёл пещеру, стены которой были испещрены письменами, не похожими ни на арабскую вязь, ни на древнетюркские руны. Он прикоснулся к символу, и ему почудилось, что камень тёплый, как живая плоть.

В этот момент из ущелья вылетели всадники. Люди хана Уцмия – смуглые, с кривыми саблями – окружили отряд. Их

предводитель, старик с глазами-угольями, указал на Гмелина и произнес: «Тот, кто потревожил дыхание земли, должен остаться в земле».

Учёного бросили в сырое подземелье Кайтагского узилища. Но это была не тюрьма. Стены там дышали. По ночам Гмелин слышал шёпот на языке, который понимал лишь разумом – на языке геологических пластов. Ему являлись миражи: то бушующее море, то ледяные пустыни, то лица людей, живших за тысячи лет до него. Он понял страшную истину: хан взял в плен не учёного, а свидетеля. Гмелин увидел то, что скрыто под слоем веков, – недра были живы и помнили каждое своё извержение.

Легенда гласит, что в последнюю ночь перед казнью к Гмелину спустился сам дух гор. Он предложил выбор: написать для русского правительства ложный отчёт о бесполезности этих земель и умереть тихо от яда, или сказать правду и исчезнуть навсегда.

Гмелин, чьё тело уже сгнило от лихорадки, а дух горел яснее звёзд, взял свою походную чернильницу и вывел на стене камеры уравнение, описывающее течение подземных огненных рек.

– Вот моя правда, – прошептал он.

Наутро стража нашла лишь пустые цепи и истлевший сюртук. Тела не было. А в скалах над Дербентом появился новый ручей – горячий, солёный, текущий вспять, к небу.

Говорят, в безлунные ночи путники видят у того ручья

человека в старомодном парике. Он смотрит на звёзды и что-то чертит пальцем на воде.

Гмелин не погиб. Он стал частью той самой стихии, которую пытался измерить. И теперь, каждые сто лет, когда земля содрогается, старики шепчут: «Это немец открывает свои врата».

Через сто лет в этих местах оказался молодой геолог Алексей Ковалёв. Он приехал по заданию Академии – проверить слухи о горячих источниках, текущих вверх, которые искал Самуил Готлиб Гмелин.

Местные проводники наотрез отказались вести его к скале, называя то место *«Проклятым колодцем немца»*. Ковалёв, человек науки и скептик, лишь посмеялся. Он пошёл один, вооружившись компасом, молотком и толстой тетрадью.

Он нашёл ручей Гмелина. Вода в нём действительно струилась по склону вверх – вопреки законам физики. Ошеломлённый, Алексей опустил руку в воду. Она была горячей, но не обжигала. А на дне, среди округлых камней, блеснуло стекло – пузырёк из-под чернил, запечатанный сургучом.

Внутри лежала записка на латыни, но почерк был едва различим – буквы складывались в дрожащие строки. Ковалёв с трудом перевёл:

«Я не мёртв. Я слышу, как дышит углерод. Я вижу, как текут расплавы. Если ты это читаешь – забери мои главные листы. Они там, где тень падает на юг в полдень, но

только в день летнего солнцестояния. И не верь воде – она помнит голоса. Уходи до заката».

Алексей поднял глаза: над ним нависала скала, похожая на кулак. Солнце стояло в зените. И тень действительно падала на юг – на узкую расщелину, заваленную осыпью.

Схватив молоток, он лихорадочно разгребал камни. Через час его руки были в кровь, но он нашёл: жестяной ящичек, проржавевший, но герметичный. Внутри – десятки листов, исписанных мелким бисерным почерком Гмелина. Но то, что было нарисовано, заставило сердце Ковалёва остановиться.

Гмелин зарисовал карту не поверхности, а глубины. Он изобразил сеть пустот под Кавказом, где, по его расчётам, проходили каналы «жидкого огня». И в центре этой паутины он пометил крестом одну точку – под Дербентом. И подписал: *«Здесь врата. Я захожу добровольно».*

Ковалёв дрожащими руками убрал ящичек в рюкзак. Он уже повернулся уходить, как вдруг заметил: вода в ручье перестала течь вверх. Она застыла. А затем, медленно, как ртуть, начала сползать вниз, к нему, и от неё поднимался пар.

Из глубины скалы донёсся голос. Не звонкий, не хриплый – как гул камертона, настроенного на частоту земли:

– Ты прочитал? Тогда оставь мне свой компас. Иди, но расскажи всем: они не спят. Они ждут, когда мы остынем.

Ковалёв, бледный как мел, отстегнул с запястья компас и оставил его на камне. И побежал. Он бежал, спотыкаясь,

через степь, пока не упал без сил у первого аула.

Утром проводники нашли его бредящим. Он сжимал жестяной ящичек и твердил одно: *«Я принёс его голос. Он не умер. Он просто ушёл вниз»*.

Академия получила труды Гмелина. Но опубликовали лишь малую часть – ботанику и зоологию. Карты глубин исчезли из отчёта.

До самой смерти Ковалёв хранил ту чернильницу. И каждый год, в день летнего солнцестояния, он поднимался на крышу своего дома в Петербурге, смотрел на юг и прислушивался. А где-то под Дербентом, в хитросплетении лавовых туннелей, Самуил Готлиб Гмелин сидел у подземного озера и ждал следующего гостя.

Ведь каждый век приходит новый учёный. И каждый век находится тот, кто готов услышать дыхание углерода.

«Оборотень Шелковского поста»

Глава I: Грязь и Знамения

Ночь опустилась на станицу, как чёрное, маслянистое покрывало. Воздух, тяжёлый от близости Терека и сырости болот, казалось, звенел от напряжения. Луна, прятая за рваными облаками, изредка выхватывала из мрака то окровавленный крест на куполе церкви, то длинный силуэт часового, замершего на сторожевой вышке. Это была не просто ночь в казачьей станице. Это была ночь перед чужой бедой.

Мы трое – я, Александр Дюма, мой художник Муане и пе-

реводчик Калино – расположились в тесной хате, предоставленной нам командиром поста. Стены пахли кислым хлебом, конским потом и древним страхом. За окнами, на улицах, утопающих в жидкой грязи, шаркали ноги вооружённых людей, и этот звук не успокаивал, а наоборот, напоминал о звериной осторожности, с которой здесь жили.

Калино, сидя у небольшого очага, в который раз перечитывал мою подорожную. Он зябко кутался в шинель.

– Ваше превосходительство, – начал он, – командир поста просил передать, чтобы мы не выходили за ворота до утра.

– Почему же, Калино? Боятся, что грязь испортит мои сапоги? – усмехнулся я, вспоминая ту мерзкую жижу, которая в Кизляре доходила до колен.

– Опасается, что завтра нас будут искать по кускам, – тихо ответил Калино. – Говорят, у леса появились «шайтаны» – нелюди, которые могут принять облик волка или мертвеца. А сегодня ночью, – он понизил голос до шепота, – на базаре видели девушку с белыми глазами. Она спрашивала о вас, господин.

Сердце мое, привыкшее к опасностям путешествий, на миг дрогнуло, но не от страха, а от любопытства. Восток всегда был для меня не просто географией, но и миром легенд. Кто же эта незнакомка, что ищет меня в этом забытом богами месте?

– Пустая болтовня, – заметил я, взяв ружьё. – Но если она придёт опять, скажи, что французский генерал умеет смот-

реть в глаза не только белым, но и чёрным зрачкам.

Калино перекрестился. Он был смелым парнем, но суеверия народа, среди которого мы оказались, понемногу проникали и в его душу. Муане молча рисовал. Он запечатлел на бумаге не мою фигуру, а странный силуэт за окном – что-то огромное и лохматое, стоявшее на границе света от лампы и тьмы двора.

– Всего лишь конь, Муане, – сказал я, хотя сам уже не был в этом уверен.

– Конь без всадника, – поправил он. – В три часа ночи. Волки уже ушли к Тереку, а этот стоит и смотрит на наше окно.

Мы переглянулись. В станице, где каждый мужчина носит оружие, а женщины ночью держат у кроватей ведра с водой – на случай пожара, – появление такого зрителя было дурным знаком.

На следующее утро станица Шелковская встретила нас туманом, в котором смешались пар от реки и запах гари от утренних очагов. Мы направились к посту, где следовало взять конвой, и там я впервые увидел её.

Она стояла у плетня, окруженная стаей бездомных собак, которые не лаяли на неё, а жались к её ногам, словно ища защиты. Высокая, с распущенными, угольно-чёрными волосами, она была одета просто, но с каким-то вызывающим достоинством. Лицо её было белым, как мел, а глаза... Когда она подняла их на меня, я понял слова Калино. Они были

не просто белыми, они были *мёртвыми* – такими бледными, что зрачки казались двумя тёмными провалами в пустоте.

– Кто это? – спросил я у Калино.

– Дочь атамана, Аксинья, – ответил он, запинаясь. – Её здесь боятся. Говорят, она ни с кем не говорит, а по ночам выходит к Тереку и говорит с водой.

Она шагнула ко мне, и собаки расступились перед ней, как вода перед кораблём. Удивительно, но я не чувствовал угрозы. Её красота была странной, болезненной, будто она жила лишь наполовину, а вторая её половина обитала в ином, тёмном мире.

– Ты – чужак, – произнесла она тихо, но голос её проникал в самое сердце, как ледяная вода. – Ты не боишься Терека. Ты не крестишься, когда слышишь вой. Ты будешь проклят здесь.

– Я француз, мадемуазель, – поклонился я, пряча улыбку. – Меня проклинаят уже давно, за мои книги.

– Книги, – она усмехнулась, обнажив ровные, острые зубы. – Здесь, в грязи, слова не защитят. У нас говорят, что скоро кровавая луна зальёт степь. Ты приехал, чтобы увидеть смерть, Дюма?

Она произнесла моё имя так, будто знала его вечность. Даже Муане, оторвавшись от альбома, удивлённо посмотрел на неё.

– Я приехал, чтобы увидеть Кавказ, – ответил я. – А Кавказ – это не только горы, но и люди.

– Люди умрут, а горы останутся. – Она положила руку мне на плечо, и я почувствовал, что её пальцы ледяные, хотя утро было тёплым. – Но ты останешься здесь навсегда. Твоё сердце уже здесь, в грязи, на берегу Терека.

С этими словами она исчезла в тумане так же быстро, как и появилась. Собаки побежали за ней, и только её улыбка осталась висеть в воздухе, как обещание чего-то дурного.

Глава II: Волчья пасть

Мы выехали к Червлённой, но туман всё не рассеивался. Казаки из конвоя, пожилые, с седыми чубами и глубокими шрамами, перешёптывались между собой. Названия колючих кустарников, которые они произносили – «держи-дерево», «волчья пасть» – казались мне не просто ботаническими терминами, а частью какого-то древнего проклятия. Они верили, что в этих кустах живут духи умерших черкесов, которые не приняли смерть и теперь караулят дороги, привлекая к себе одиноких путников.

– Господин генерал, – сказал есаул, подъезжая ко мне на тяжёлой, потной лошади. – Мы должны сделать крюк. Дорога через лес нечиста.

– Почему же нечиста? – спросил я. – Потому что грязь?

– Потому что там, за оврагом, с неделю назад нашли тела трёх солдат, – ответил он, оглядываясь. – У них были вырваны языки и переломаны все пальцы. Кто-то хотел, чтобы они не могли рассказать о том, что видели.

Калино побледнел, но я взял карабин и сказал есаулу:

– Веди, как знаешь. Я был в Хасав-Юрте, я видел, как отрубают головы. Я не боюсь мертвецов.

Есаул невесело усмехнулся, и его усы, окрашенные в рыжий цвет хной, странно дрогнули, будто бы сами по себе, без его воли.

– Мертвецы – это просто мясо. Страшны те, кто не умер. В станице говорят, что у атамана, – он кивнул в сторону уходящего тумана, – дочь родилась в ночь, когда на Тереке утопилась колдунья-чеченка. Теперь девка видит то, чего не видят наши очи.

Всадники запели протяжную казачью песню, слова которой были пронизаны тоской и жалобой. Но мне казалось, что за их голосами слышится другой хор – высокий, женский, полный ярости. Ветер уносил его в сторону Песчаной горы, которая, по слухам, была рукотворной.

Я представил себе легенду, которую вечером пересказывал нам Калино: о двух братьях, мешке песка и рухнувшей скале. Но теперь я думал не о скале, а о той, чьё имя производили только шёпотом. Аксиныя.

Ночь застала нас в полпути. Мы расположились в небольшом овраге, развели костры. Казаки расседлали коней, но никто не снял оружия. Их лица, освещённые пламенем, казались сделанными из бронзы, и в этом мерцающем свете я видел страх, который они старались скрыть.

Было около двух часов ночи. Я вышел за пределы лагеря, к тому самому колючему кустарнику, который казаки назы-

вали «чёртовой гребёшкой». За ним, в темноте, слышался плеск воды – это был ручей, приток Терека. Я подошёл к воде и увидел её.

Аксинья стояла по колено в воде, развернувшись спиной к лагерю. Её волосы рассыпались по воде, и мне показалось, что они движутся не под ветром, а словно живые, тянутся к чёрному течению. Она не обернулась, но заговорила.

– Ты пришёл, чужак. Я знала.

– Я любопытен, как дьявол, – ответил я. – Что ты здесь делаешь одна? Хищники не далеко.

– Здесь все – хищники, – ответила она. – Вода помнит всё. Она помнит, как в ней тонули лезгинские всадники, как она уносила тела казаков. Но есть одна – чеченка Айшат. Её убил мой отец. За то, что она заколдовала его коня.

– И что же, она действительно его заколдовала?

– Нет, – Аксинья повернулась ко мне. В свете луны её глаза стали совершенно белыми, без единой черточки. – Он убил её за то, что хотел, а она не далась. Она была красивее моей матери. Тогда она прокляла его род, и теперь её душа живёт во мне. Я вижу мир её глазами. И я ненавижу всех живых.

Я инстинктивно положил руку на рукоятку кинжала, но она рассмеялась – смех её был тихим, как змеиный шелест.

– Не бойся, француз. Твоя кровь не нужна Айшат. Твоя кровь нужна тебе самому. Но помни: если перейдёшь Терек дальше, за ту сторону, ты станешь добычей того, кого уже

давно нет.

– И как же мне узнать, что это за существо?

– Ты узнаешь его по запаху, – сказала она, втянув воздух.
– Пахнет могилой и серой. Оно ждёт тебя в горах, там, где лезгины рубят руки и вешают их на деревья как колокольчики.

С этими словами она вошла глубже в воду и исчезла, будто растворилась в Тереке. Я остался один на берегу, и ветер донёс до меня тот самый запах – смесь прелой листвы, сырой земли и чего-то металлического. Я вернулся в лагерь и увидел, что Муане, наклонившись к костру, рисует что-то в своем альбоме. Он поднял на меня взгляд, и в его глазах я прочел ужас.

– Я видел её глаза, – сказал он. – Они нечеловеческие. Этот рисунок, – он показал мне лист, – она сама появилась на бумаге. Я не рисовал её. Она сама *пришла*.

На рисунке была Аксинья, но не та, что стояла в воде. На рисунке она была с волчьей головой, а её платье стекало с плеч, как вода.

Глава III: Сделка с нечистью

Наутро мы добрались до Шелковской. В станице нас встретил сам атаман. Он был высок, сутул, его седая голова, покрытая папашой, дрожала, как у старой лошади. Он смотрел на меня исподлобья, и я чувствовал на себе его тяжёлый взгляд. Вокруг него толпились казаки, их руки лежали на шашках. Они смотрели на меня не как на гостя, а как на

пришельца.

– Ты видел мою дочь, – сказал он без приветствия. – Она сказала тебе, что проклята. Это правда. Она – мой позор. Родилась без души. Она говорит с теми, кто утонул.

– Позвольте предложить вам откуп, – сказал я, стараясь сохранить спокойствие. – Я возьму её с собой, когда поеду в Париж. Может быть, там она излечится от видений.

Атаман усмехнулся, и его усы странно скривились.

– Ты её не вывезешь. Она привязана к этой земле, как Терек к Каспию. У неё на сердце – кинжал, которого никто не видит. Если она уедет – станица погибнет. Её душа – это и есть наша грязь, наша кровь.

Он махнул рукой, и всадники окружили нас. Но я заметил, как за его спиной стоит Акси́нья. Она молчала, но в её руках был тот самый кинжал, который она показала мне у воды – с лезвием, чёрным как сажа. Она не угрожала, она просто смотрела.

– У неё нет души, – повторил атаман. – Но есть сила. Сила, которую мы не понимаем. Она умеет заговаривать пули и останавливать кровь. Но она не воскрешает. Она только забирает. Если она захочет твоей смерти, ты умрёшь даже в Париже.

– Я не боюсь смерти, – ответил я. – Но я боюсь недосказанных историй.

Внезапно Акси́нья шагнула вперёд. Она подошла ко мне и прикоснулась пальцем к моей груди, прямо к сердцу. Я по-

чувствовал холод, от которого перехватило дыхание.

– Ты прав, чужак. Ты не боишься. В тебе есть та пустота, которую любят демоны. Иди в горы. Иди к Шамилю. Там тебя ждёт не пуля, а сам дьявол. Он назовёт тебя братом, потому что в тебе нет ни страха, ни веры.

– Что ты хочешь взамен, Аксинья? – спросил я. – Ты не даёшь мне пророчества просто так.

Она улыбнулась, и на этот раз её улыбка была почти человеческой – безумной, но живой.

– Когда будешь проходить мимо развалин, где плачут мёртвые, вспомни обо мне. Не моли Бога, француз. Бога здесь нет. Здесь только тьма. Скажи: «Айшат простила». И тогда я стану свободна.

Она развернулась и ушла в дом атамана, оставив нас стоять на площади, под тяжёлыми взглядами казаков. Калино был бледен, как мел, а Муане молча закрыл свой альбом.

По дороге к Дербенту я не переставал думать о ней. Весь путь меня преследовал тот самый странный холод в груди, где она коснулась меня пальцем. И когда мы переходили через реку, я услышал в воде её шепот: «*Айшат простила*». Но я так и не произнёс этих слов вслух.

Глава IV: Капище

Я не знаю, когда именно сон отделился от яви. Возможно, это случилось в тот миг, когда я закрыл глаза, привалившись спиной к замшелому камню, на привале у подножия Песча-

ной горы. Где-то рядом, в крошечной тьме, дремали казаки, их дыхание смешивалось с хриплым шёпотом ветра. Костёр догорал, выбрасывая к небу красные, больные языки пламени. И в этом умирающем свете я вдруг увидел, как земля подо мной начала расступаться, будто неведомая сила разрывала её на части.

Я хотел встать, крикнуть, позвать Муане, но тело моё налилось свинцом. Невидимая, ледяная рука схватила меня за шиворот и потащила вниз, в расселину, которой за мгновение до этого не было. Камни царапали лицо, сырая земля забивала рот, но я не мог сопротивляться. Я падал в бездну, и тьма вокруг меня становилась гуще, маслянистее, будто я погружался в чрево самого Кавказа.

Я упал на твёрдый, мокрый пол. Вокруг было черно, как в недрах преисподней, но мои глаза – не знаю, как – начали различать очертания. Я был в капище. Огромном, древнем, вырубленном в скале. С высокого, недостижимого свода свисали сталактиты, похожие на каменные пальцы мертвецов. Стены были покрыты странными барельефами, которые двигались, переливались, жили собственной жизнью: змеи, переплетённые в клубки, тарантулы с горящими глазами, и люди – нет, не люди, чудовища с телами людей и головами волков, держащие в лапах отрубленные головы.

Я хотел бежать. Я рванулся в сторону, но споткнулся о чей-то скелет, и ледяная рука снова схватила меня, но теперь – за запястье. Она была невидима, но я чувствовал каждый

её палец, впивающийся в мою плоть. Она подняла меня, как тряпичную куклу, и швырнула на каменное ложе, стоящее в центре капища. Это ложе было покрыто мхом и какой-то чёрной, липкой слизью. Вокруг него, в полумраке, начали появляться фигуры – тени, не имевшие веса, но они смотрели на меня, и в их взгляде было что-то древнее, голодное, нечеловеческое.

Я хотел закричать, но мой голос застрял в горле. И тут я увидел её. Она вышла из темноты так же внезапно, как и рука, которая притащила меня сюда. Аксинья.

Но это была не та Аксинья, что стояла на берегу ручья. Её глаза были не просто белыми – они горели, как два угля, в которых плясало пламя ада. Её волосы, распущенные и чёрные, струились по плечам, обвивая её обнажённое тело, как живые змеи. На её голове сиял венец из колючего терна, сквозь который сочилась кровь, стекая по вискам.

– Ты пришёл, – произнесла она, и голос её прозвучал не из горла, а из самой глубины капища. Он отражался от стен, множился, превращался в шёпот тысячи голосов. – Ты хотел узнать тайну. Ты увидишь её.

Она подошла ко мне, и я почувствовал тот же холод, что и у ручья, но теперь он был сильнее. Он пронизывал меня до костей, останавливал кровь в жилах.

– У нас будет сын, – сказала она, останавливаясь в двух шагах от меня. – Он станет духом этих гор. Он будет жить вечно, и он будет мстить за всех забытых, за всех преданных,

за всех, кто утонул в Тереке.

Она протянула ко мне руки. Они были белыми, как полотно, и холод исходил от них, как от ледяной пещеры. Она коснулась моего лица, и я вздрогнул. Я хотел оттолкнуть её, отпрянуть, закрыть глаза, но тело моё не слушалось. Я был прикован к этому каменному ложу невидимыми цепями. Я был во власти страха и отвращения – и того странного, тёмного влечения, которое пробуждают в человеке самые запретные вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.